

*Б.Б.Родоман,
доктор географических наук.
Университет Российской Академии образования*

Образы Государства, внедряемые в массовое сознание

Вопреки расхожему мнению о деидеологизации российского общества я берусь утверждать, что в нем сохраняется стойкая квазирелигиозная идеология *культ государства*, этатизм, играющий роль религии. Древнекиевский культ Перуна, великокняжеское и имперское православие, пролетарский интернационализм, животворный советский патриотизм, народный патриотизм и православный фундаментализм наших дней с церковью в роли ДОСААФ все это формы сакрализации, обожествления конкретной, земной, государственной власти.

Культ государства не всегда позитивен; имеет место и отрицание Бога, богоотступничество, богохульство, ересь, бунт. На Бога ропшут, от него отпадают, к нему возвращаются; на него возлагают надежды, поэтому разочаровываются. Российский этатизм амбивалентен, любовь и ненависть в нем взаимозаменяемые проявления

более постоянного чувства горячего, заинтересованного неравнодушия. Миллионы людей в меру ущербности своей личной жизни и частной деятельности с тревогой следят за пароксизмами государства. К нему обращаются с молитвой "хлеб наш насущный даждь нам днесь" не только работники госбюджетной сферы — в более широком смысле "дай" значит "не отнимай". И те, кто рискнул заняться частной деятельностью без государственной крыши, прекрасно понимают, сколь ненадежно их будущее. Бог дал, Бог и взял

Традиционные образы государства

Представления о государстве, внушаемые на школьных уроках истории, в речах политиков, официальной пропагандой и средствами массовой информации, опираются на простые, хорошо знакомые образы.

1. *Государство — транспортное средство*; корабль, повозка, а в XX в. еще и самолет. Глава государства кормчий, штурман, возница, пилот; если он выпустил руль, упустил бразды, то государство стало неуправляемым, неизбежна авария. Опасения и страхи, правда, смягчаются представлениями об автопилоте, поезде метро без машиниста, лифте без лифтера. Убедившись, что и без вождя жизнь идет своим путем и ничего страшного не происходит, кое-кто начинает сомневаться в необходимости центральной власти, а она, чтобы не показаться совсем не нужной, провоцирует различные события и формирует образы врага, призванные подтвердить ее незаменимость и значимость. Обыватель убежден, что повседневные беды в его жизни проистекают от того, что государством плохо управляют.

2. *Государство — дом*. Один общий дом для всех его граждан. Отсюда лозунг "Наш дом Россия" и ладони, сложенные крышечкой, жест, пригодный в качестве партийного приветствия. Если Россия дом, то изъятие любой детали грозит разрушением, будь то угловой кирпич (Курилы) или одна из центральных опор (Татарстан). Боязнь социального взрыва тоже относится к архитектурно-строительному представлению о стране, отождествляемой с государством. Жилые дома взрываются ежедневно, поэтому легко вообразить, что произойдет, если взорвется весь "Наш дом Россия", тем более, что держится он почти исключительно на нефтегазовых трубах. Россияне убеждены, что если государство рухнет, то все будут погребены под его обломками.

Особенно важное, почти мистическое значение приобрело слово "крыша". Миллионы рабочих, гражданских и военных служащих живут в основном за счет того, что возделывают садовые участки (огороды со свинарниками и курятниками), разворовывают свои

предприятия и учреждения, занимаются челночным извозом и уличной торговлей, берут взятки, но при этом числятся казенными работниками, даже если не получают зарплаты. Что же будет, если государственная "Крыша" над ними рухнет или "поедет крыша" у правительства?

3. *Государство — вотчина, поместье, усадьба*, дачный участок, крестьянский двор, семейное хозяйство, а граждане — члены большой семьи, пользующиеся ее коллективной, не вполне разделенной собственностью, Советский человек, если он не имел автомобиля и дачи, удовлетворял свой собственнический инстинкт тем, что ощущал себя совладельцем государственной территории и природных ресурсов; "Зато Курилы наши и якутские алмазы наши". Величием державы компенсировалось ничтожество рядового пролетария.

Вполне понятно "широким массам" и вызывает у них сочувствие стремление государства иметь на своей территории "все свое": свои месторождения всех видов полезных ископаемых, свои морские порты. Пусть недогружены эстонский порт Новый Таллинн, латвийский Вентспилс, финский порт Котка, России нужно строить свой порт в Усть-Луге, свой нефтяной терминал около Геленджика или Абрау-Дюрсо. Вот так же крупный помещик имел своих крепостных парикмахеров, портных, художников, артистов — им можно меньше Платить, их можно и высечь. И это так понятно, так близко любому рабочему, выращивающему в "санитарной зоне" промышленных предприятий, под дымом из труб родного завода свои "бесплатные" овощи и ягоды.

4. *Государство- живое существо*, родное, близкое, требующее любви, как мать и отец. "Как невесту Родину мы любим, бережем, как ласковую мать". Правда, образ невесты уже не соответствует современной практике, но зато сохраняется двуединое, двуполое божество "Родина—Отечество". В XIX в. слово "Родина" было запрещено цензурой, воевали "за Цари и Отечество", в СССР до войны с Германией было запрещено "Отечество" как напоминавшее о царе. С 3 июля 1941 г. (день обращения И.В.Сталина к народу) Бог и богиня успешно работают в одной упряжке; с тех пор патриотизм стал официальной идеологией.

Мужское и женское начала российской государственности разумеется неравнозначны: мы, как никак, живем при патриархате. Отечество, которое (Защищают вооруженные силы, это прежде всего сам Отец Отечества, а Родина — вверенная ему страна, земля, почва, более пассивная, страдающая, беззащитная, жертвенная. Отношение между партнерами напоминает Супружество, но отнюдь не договорное, не западного типа, а традиционно-русское, патриархальное, идеально-домостроевское. Иной муж бывает суровым

и ревнивым учит жену (шпелочкой и танками), заточает в терем (за железный занавес), шпионит за ней (ставит "жучки" в телефон). А то попадетя развратник, пьяница, мот: изменяет жене с расшленной Европой, закладывает семейное имущество во Всемирном банке, проматывает деньги в Монте-Карло. Жена ропшет, жалуется, ищет, в какой бы партком заявить, в какой бы монастырь уйти; сама пытается изменить, но в общем терпит, как и положено русской женщине. И, как водится при семейных конфликтах, часть детей принимает сторону отца, а часть сочувствует матери.

Россию как существо женского рода можно любить и жалеть, к ней можно испытывать чисто мужскую ревность, питать не только сыновние, но и отцовские, братские, дядины чувства, "синеглазая девочка Русь..." То ли над ней и в самом деле хотя надругаться чужеземцы, то ли она сама готова продаться им за доллары обе альтернативы приводят мужественного патриота в неопишемую ярость. Постоянный страх, что с Россией что-то случится, приобретает характер массового психоза.

Если страна живая, то отторжение хотя бы маленького кусочка воспринимается как ампутация или травма. Используются термины из хирургии, анатомического театра, морга; картины из ежедневных сообщений об убийцах, расчленяющих трупы Регионализация, сепаратизм, территориальные претензии соседей толкуются как расчленение и умерщвление; боязнь потери какого-нибудь крошечного, но важного "ключевого" региона напоминает страх кастрации (по З.Фрейдю).

Традиционные образы государства сыграли свою историческую роль в междоусобной борьбе народов и царств, но для отдельных граждан в наши дни эти идолы смертельно опасны, потому что они кровожадны; представляемый ими Молох требует человеческих жертв. И такие жертвы были принесены совсем недавно, когда десятки тысяч людей погибли ради "территориальной целостности" России. Напряженно-эмоциональное отношение к сакрализованному государству — постоянный источник тревог и страхов. Совокупность фобий позволяет говорить о состоянии российского общества как о коллективном психозе. *Имперская паранойя* органически сочетает манию величия с манией преследования.

Боязнь потери территориальной целостности

Как географ я обращаю особое внимание на ст. 4, п. 3 Конституции: "Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории". В этой фразе все вызывает недоумение; мне, в частности, непонятно, нарушает ли само государство неприкосновенность своей собственной территории, если отравляет ее

радиоактивными выбросами или бомбардирует ее своей же авиацией? Обеспечит ли государство неприкосновенность территории при десанте инопланетян (в существование которых большинство россиян верят) или метеоритном дожде? А загрязнения с ветрами и течениями из-за границы это нарушение территориальной неприкосновенности? Вопрос не праздный, ибо в XXI в. экологические конфликты кажутся более вероятными, чем этнополитические.

К числу распространенных фобий, внушаемых политиками-государственниками, относится боязнь потери Россией ее территориальной целостности. В связи с этим поставлю два вопроса:

1. Теряется ли территориальная целостность России от любого уменьшения ее территории, т.е. от уступки, потери хотя бы "пяди Русской земли"? Нас уверяют, что это так, иначе бы не жалели отдать чеченцам Ичкерию, а китайцам какие-то островки в пойме Амура. Похоже, что потеря целостности трактуется патриотами как потеря девственности при дефлорации. Отдав Чечню, Курилы и Абренский уезд, отнятый у Латвии, Россия потеряет честь и дальше ей придется уступать всем сепаратистам и зарубежным претендентам, разлагаться не только морально, но и в более буквальном смысле — на территориальные части. Вместе с тем, если от однократного акта изменения границ территориальная целостность теряется раз и навсегда, то исчезает проблема, так как больше терять нечего.

2. Уменьшается ли территориальная целостность от потери островов или анклава? По-моему, наоборот увеличивается. После присоединений к СССР в 1945 г. северной трети Восточной Пруссии РСФСР потеряла свою территориальную целостность, поскольку стала состоять из двух кусков. Теперь, если бы Россия отказалась от Калининградской области, то восстановила бы свою целостность, во всяком случае, повысила бы ее уровень. Разве не очевидно, что монолитность, непрерывность, компактность территории признаки ее целостности?

Если еще рассмотреть степень удобства управления страной, возможность обратной связи и многое другое, то чем меньше и компактнее территория, тем легче обеспечить ее целостность. Сегодняшняя Россия по очертаниям своих границ самая некомпактная из крупных стран мира и похожа на неразобранный остаток после раздела земель. Если страна кусок картона, нагруженный тяжестями, то Россия разорвется скорее всего по двум перемычкам Волго-Донской и Западно-Сибирской. Однако сомнительно, что территориальная целостность такая уж серьезная ценность сама по себе, независимо от транспортных условий. Вот, например, совсем не целостна территория США, включающая Аляску и Гавайи.

Кровожадным идолам государства можно противопоставить более гуманные образы, адекватные политическому либерализму и конкурентной рыночной экономике, отвечающие представлениям о правах человека, правовом государстве и т.п.:

1. Государство — служебный, вспомогательный аппарат общества, его слуга, а не хозяин; совокупность печально необходимых служб, связанных с "несовершенством человеческой природы", возможностью стихийных бедствий, экологических катастроф и т.п. Правительство нанимается налогоплательщиками и им подотчетно; оно не командует гражданами, а управляет ограниченной сферой их обслуживания. Это государство частичное, минимальное, не тотальное и не сакральное, оно может иметь своих поклонников и болельщиков, но никого не заставляет себя любить; предполагает не эмоциональное, а рациональное отношение к себе.

2. Государство — административно-территориальная единица мирового сообщества, не самая высшая (над ним межгосударственные союзы и ООН), с суверенитетом, ограниченным международными договорами и законами. Глобальный процесс интеграции—дифференциации двойствен: с одной стороны, великие державы теряют свою таможенную, валютную, военную самостоятельность и становятся как бы провинциями своего континента и Всемирного государства; с другой — повышается статус, усиливается автономия прежних внутригосударственных областей; многие из них добиваются "полной независимости", чтобы на деле убедиться в ее иллюзорности; реален не "суверенитет", а способы разграничения полномочий между органами власти и политиками административных таксонов разного ранга. Государственные границы теряют свое значение для передвижения и расселения законопослушных граждан; изменения границ не драматизируются.

Что следует из этого для "простого человека"? Вот, к примеру, я живу в Коптевском районе (муниципальном округе) Москвы. Наш район не имеет выхода к Большому Садовому пруду, хотя его пляжем больше всего пользуются коптевцы. Несправедливо? Пожалуй. Тем более, что заманчивый пруд виден из окна моего дома, как Арарат из Еревана. Но жители Коптева не формируют вооруженный отряд для завоевания пляжа, а соседний Тимирязевский округ не дрожит за свою территориальную целостность. Люди просто идут и едут, куда им нужно, не замечая никаких границ. Вот так же и жители Западной Европы без всяких эмоций пересекают государственные границы.

О России наших дней можно было бы сказать, что она не созрела, не доросла до рациональных и гуманных моделей государства, если

бы была уверенность, что страна хотя бы движется в этом направлении. На самом деле наблюдается обратное. Традиционные, архаичные образы государства переносятся на регионы — субъекты федерации, не только этнически-республиканские, но и "чисто русские" области и края. Они приобретают черты авторитарных тотальных государств с присущим им окостенением границ. Степень этатизаций страны увеличивается.

Для минимального государства в сегодняшней России по-видимому нет экономических и ментальных предпосылок; нет у нас и сколько-нибудь известных политических партий и движений, нет авторитетных личностей, "властителей дум" (на уровне А.Д.Сахарова, А.И.Солженицына, Д.С.Лихачева), которые бы стояли за государство минимальное и суверенное, напротив, почти все хотят иметь государство всеобъемлющее и сильное, но "хорошее". За разговорами о "возрождении России" скрываются прежние надежды на государственную власть, а недавно спущенное верноподданым интеллектуалам задание спешно разработать на основе "русской идеи" новую идеологию "в целях национальной консолидации российского общества, утверждения патриотизма и демократических ценностей" означает курс на реставрацию традиционного силового государства, быть может не тоталитарного, но вполне тотального, т.е. такого, которое за все берется, все обещает, но, как и прежде, скорее всего будет неспособно стать для своих граждан полноценной "сферой обслуживания" "на уровне мировых стандартов".